

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

УДК 930.25

DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-87-98

Архивы русской эмиграции в контексте исторических событий

Ирина В. Сабенникова

*Всероссийский научно-исследовательский институт
документоведения и архивного дела,
Москва, Россия, sabennikova@mail.ru*

Аннотация. Архивы русской эмиграции, сложившиеся за рубежом преимущественно в период между двумя мировыми войнами и во время холодной войны, отражают наиболее трагические периоды русской и мировой истории – Первую и Вторую мировые войны, революцию и Гражданскую войну в России. Созданные в результате войн и революций, архивы русской эмиграции сами теперь являются тем источником, по которому пишется история этих масштабных и неоднозначно трактуемых событий. Архивы русской эмиграции стали частью единого архивного наследия, органично вошли в состав мирового информационного пространства. На современном этапе развития не только исторической науки, но и международных отношений стало необходимым ликвидировать все еще сохраняющиеся информационные бреши. Сделать это можно, лишь обратившись к архивным документам: воспоминаниям участников тех событий, сохранившейся делопроизводственной документации, переписке как частных лиц, так и институтов и организаций разного уровня – управленческих, дипломатических, международных, общественных. В этих условиях исследователям особенно важно соблюдать научную объективность при работе с архивными документами, которые и сами по себе часто возникали в результате острой политической борьбы и порой отражают диаметрально противоположные мнения различных политических группировок.

Ключевые слова: архивы русской эмиграции, архивные документы, Первая мировая война, Гражданская война, революция, история России, русское зарубежье

Для цитирования: Сабенникова И.В. Архивы русской эмиграции в контексте исторических событий // История и архивы. 2020. № 3. С. 87–98. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-87-98

Archives of the Russian diaspora in the context of historical events

Irina V. Sabennikova

*All-Russian Records Management
and Archival Science Research Institute,
Moscow, Russia, sabennikova@mail.ru*

Abstract. The archives of the Russian diaspora, which were established abroad mainly between the two World wars and during the Cold War, reflect the most tragic periods of Russian and World history – the First and the Second World Wars, the Revolution and the Civil war in Russia. Created as a result of wars and revolutions, the archives of the Russian diaspora have become now the source for research of the history of these huge and ambiguously interpreted events. The archives of the Russian diaspora became part of a single archival heritage, organically incorporated into the global information space. At the present stage of development not only of historical research, but also of international relations, it has become necessary to eliminate the still remaining information gaps. This can be done only by the study of the archival documents: the memoirs of the participants of those events, preserved official records, the correspondence of individuals and institutions and organizations of various levels – governmental, diplomatic, international, public. Therefore, it is especially important for researchers under these circumstances to try to maintain the objectivity of research during the process of study of archival documents, which themselves were often created as a result of a hot political struggle and, some time, reflect diametrically opposed opinions of various political groups.

Keywords: Archives of the Russian diaspora, archival documents, First World War, Civil war, Revolution, history of Russia, Russian diaspora

For citation: Sabennikova, I.V. (2020), “Archives of the Russian diaspora in the context of historical events”, *History and Archives*, no 3, pp. 87–98, DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-87-98

Архивы и хранящиеся в них архивные документы являются незаменимыми источниками при освещении исторических событий, прежде всего тех, которые могут подвергаться фальсификации и искажению в силу политических и иных причин. Архивы как таковые являются резервуарами памяти всего человечества. Эмигрантские архивы не составляют исключения. Создание эмигрантских архивов и документы, собранные в них, свидетельствуют о желании и потребности русского зарубежья осмыслить свое место в мировой истории, сохранить культурную самоидентификацию в условиях эмиграции. В документах эмигрантских архивов отразились не только культурные и научные достижения ее выдающихся представителей, функционирование основных образовательных, политических и культурных центров эмиграции, но также осмысление причин и результатов революции, мировых и Гражданской войн. Именно поэтому архивы вообще и эмигрантские в особенности всегда оставались предметом борьбы различных политических сил: эмиграции – советского режима, различных политических группировок внутри самой эмиграции, а также между эмигрантскими центрами и структурами как внутри эмиграции, так и вне ее, заинтересованными в коммерческом и политическом использовании архивных документов, особенно в послевоенный период. Во многом это было связано с тем, что контроль над архивами имел значение для легитимации отдельных эмигрантских центров в качестве правопреемников всего русского зарубежья.

Отметим, что идея создания и комплектования архивов теми или иными документами всегда неразрывна с историческим контекстом. Ярким подтверждением этому могут служить именно архивы русской эмиграции, претерпевшие в течение XX в. сложные трансформации, связанные с двумя мировыми войнами, революцией и Гражданской войной в России, а также с холодной войной, проходившей в общемировом масштабе и затронувшей архивы.

Мировая война 1914–1918 гг., Октябрьская революция и вызванная ею Гражданская война породили миллионы беженцев, вынужденных покинуть Россию и расселиться не только по разным странам, предоставившим им убежище, но и по разным континентам. В результате в Центральной Европе в период между двумя войнами сложилась многочисленная русская диаспора, значительную часть которой составляли бывшие военнослужащие царской армии. Существенный процент интеллигенции среди общего числа русских беженцев, которая осознавала свою ответственность за сохранение исторического наследия эмиграции, привел к созданию эмигрантских архивов. Собираением документов в эмиграции занимались как общественные, так и частные архивы, профессиональные сообщества, музеи, учебные заведения. К началу Второй мировой войны за

пределами СССР эмиграцией было создано 10 архивов, а также 14 музеев, также имеющих коллекции документов. Комплектование эмигрантских архивов зависело от целей и задач, которые ставили их организаторы. Часто первоочередной задачей было сохранение истории воинских формирований (Донской казачий архив, архив Лейб-Гренадерского Эриванского Его Величества полка), документов политических организаций, профессиональных объединений или союзов (Объединение русских адвокатов во Франции (USA BAR), Союз русских писателей и журналистов (USA Amherst), Союз русских шоферов (USA BAR)). В уставных документах многих эмигрантских архивов, музеев и библиотек говорилось, что со временем они должны вернуться в Россию при условии изменения там политического режима. Самым значимым среди эмигрантских архивов по объему единиц хранения, источников комплектования, структуре и организации работы являлся Русский заграничный исторический архив (РЗИА), созданный в Праге в начале 1920-х гг. (в 1923 г. – Архив русской эмиграции, с 1924 г. – Русский заграничный исторический архив). Среди источников комплектования РЗИА были многочисленные эмигрантские организации – военные, политические, общественные объединения, редакции газет и журналов, а также частные лица – часто известные представители российской эмиграции. Основные направления сбора и хранения документов отразились в структуре фондов архива.

РЗИА получал финансирование от Министерства иностранных дел Чехословакии, которому формально подчинялся. Финансовые возможности, выделяемые чешским правительством, позволяли архиву иметь эмиссаров в четырнадцати наиболее значимых центрах проживания русских беженцев: Париже, Берлине, Белграде, Бизерте, Брюсселе, Варшаве, Константинополе, Лондоне, Софии, Ревеле, Риме, а также в Нью-Йорке, Харбине и в Финляндии. Благодаря такой политике архив приобрел и сохранил кратковременно выходившие в первые постреволюционные годы периодические издания периода Гражданской войны и начала эмиграции, выпускавшиеся на Дальнем Востоке и в Харбине, документы Деникинской армии из Южной Сибири. Эмиссарам РЗИА приходилось не только выяснять местонахождение документов, интересующих архив, налаживать контакты с их владельцами – известными деятелями эмиграции, но и убеждать чешскую сторону в необходимости приобретения этих документов. При передаче документов в архив эмигранты, как правило, ставили условием гарантию сохранности передаваемых документов и обеспечение определенного порядка доступа к ним, часто ограничивая право доступа 25 годами. Такие ограничения на доступ к личным документам объяснялись той потенциальной угрозой для родственников и знакомых,

оставшихся в СССР, которую могла представлять информация, содержащаяся в этих документах.

31 марта 1928 г. согласно договору РЗИА был передан под управление чешскому правительству. В договоре был отдельно оговорен вопрос о последующей возможной передаче РЗИА в Россию в случае прекращения деятельности диктатуры коммунистической партии и утверждения режима, «обеспечивающего правовой порядок, свободу личности, общественной самодеятельности и возможности для нынешней русской эмиграции легального возвращения в Россию». После оккупации Германией Судетской области РЗИА вместе с Белорусским и Украинским историческими архивами был включен в состав вновь созданного Славянского архива. Когда 22 марта 1939 г. произошла оккупация чешских земель, Славянский архив поменял свою подчиненность и был передан из МИД в МВД ЧСР. В 1942 г. часть архивных собраний РЗИА и входящего в него в качестве отдела Донского архива, главным образом по военной истории, были переданы в архив сухопутных войск Германии в Праге до их отправки в Германию. Документы были изъяты их фондов РЗИА с целью организации антисоветской пропаганды в ходе Второй мировой войны. Такое отношение немецких властей к архивным документам не представляло ничего нового. Советское правительство также проявляло интерес к документам эмигрантских архивов, поскольку использование содержащейся в архивных документах информации и ее интерпретация были испытанным средством политической борьбы. Примером этому было изъятие архивов политических партий и их лидеров сразу после революции и в ходе Гражданской войны. Подобная тенденция прослеживается и в отношении архивов оппозиционных групп внутри партии (борьба за архив Троцкого). В 1946 г. РЗИА был передан в качестве дара Чехословацкого правительства Академии наук СССР. После передачи архива его документы, прежде всего относящиеся к организации военных формирований из числа эмигрантов, использовались в оперативных целях, в том числе и Чрезвычайной государственной комиссией по расследованию злодеяний фашистских преступников¹. Тогда же по фондам РЗИА и ДКА было выявлено 18000 лиц, враждебных СССР². После поступления РЗИА в СССР его фонды были раздроблены между разными архивными учреждениями. Наиболее крупная их часть, касающаяся деятельности эмигрантских организаций и отдельных представителей эмиграции, оставалась на закрытом хранении в ЦГАОР СССР (ГАРФ) до конца 1980-х гг. [Хорхордина 2006].

¹ ГАРФ. Ф. Р-5142. ОП. 1. Д. 392. Л. 43.

² Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель. – М.: РОССПЭН, 1999. С. 18.

Эмиграция тяжело переживала потерю РЗИА, о чем свидетельствует переписка между представителями эмиграции, передавшими в архив свои документы на хранение.

«Как Вам известно, – писала Е. Кускова М. Алданову, – наши чемоданы попали к Сталину (выдача Пражского архива). На двух моих с С.Н. (Прокоповичем) чемоданах была наклейка: не печатать 25 лет. Если не ошибаюсь, такая же наклейка была сделана на чемоданах С.В. Паниной и Астрова. На ключах, сданных нами в МИД (чешский), была такая же надпись. Когда был жив еще Изюмов, он писал мне, что ему точно известно, что именно эти материалы подаются в особых докладах Сталину. Согласитесь, что это подлость безмерная. Между прочим, в этих чемоданах было около 200 писем П.Н. Милюкова, много писем Савинкова, Керенского, Маклакова и т. д. Ко всем им я сделала комментарий, при каких обстоятельствах эти письма были написаны»³.

Не только эмигрантские архивы занимались собиранием и хранением документов российской эмиграции. Существенную конкуренцию им составлял архив, созданный в 1919 г. Гербертом Гувером при Стэндфордском университете (США), выпускником которого он был. Архив был создан для сбора материалов, непосредственно относящихся к Первой мировой войне и событиям с ней связанным. Одним из наиболее активных руководителей архива, заложившим основу русской коллекции, был выходец из России Франц Гольдер. Гольдеру удалось убедить видного представителя русской военной эмиграции – генерала Н.Н. Головина⁴ стать представителем архива в эмигрантской среде с целью приобретения документов. Н.Н. Головин имел опыт работы по сбору документов, поскольку в период Гражданской войны возглавлял Военно-историческую комиссию, занимавшуюся собиранием военных архивов по истории Первой мировой войны. Располагая необходимыми средствами для покупки

³ Bibliothèque Nationale Française. Manuscrits, NAF. Переписка Кусковой с Алдановым.

⁴ Головин Николай Николаевич (1875–1940) – генерал-лейтенант, выпускник Пажеского корпуса, закончил Академию Генштаба. Участник Первой мировой войны. В 1919 г. – начальник штаба Восточного фронта при адмирале А.В. Колчаке. В 1920 г. эмигрировал. В эмиграции руководил Высшими курсами военного самообразования. Читал лекции по военной истории в Военной академии в Вашингтоне и в Высшей военной школе во Франции. Был членом РОВС. Редактировал эмигрантские военные журналы «Военный сборник», «Часовой», «Военная быль». Опубликовал ряд аналитических статей о военных операциях в период Первой мировой войны. Автор труда «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.».

документов и правом быстро решать вопросы о приобретении, генерал Головин стал одним из наиболее активных эмиссаров Гуверовского архива. Астров, выполнявший те же функции, но от имени РЗИА, писал: «Генерал Головин – представитель Стэндфордского университета весьма сильно опустошил архивные фонды не только Франции, но и других стран Европы»⁵.

Ситуация особенно обострилась после продажи при посредничестве генерала Н.Н. Головина, являвшегося председателем комитета по увековечению памяти П.Н. Врангеля, его документов (более 100 томов документов) в Стэндфордский университет. На их отправку в США Гуверовский архив выделил 15 000 франков⁶.

Между двумя архивами – РЗИА и архивом Стендфордского университета, занимающимися сходной деятельностью – сбором документов русской эмиграции, существовала принципиальная разница в правовом статусе поступавших в эти архивы документов, на что обратил внимание русских эмигрантов Н.И. Астров в своей статье «Два архива». По его мнению, Стэндфордский архив не давал эмигрантам никаких гарантий на последующее возвращение документов в Россию, поскольку документы либо покупались (обычно за минимальную цену), либо передавались владельцами или душеприказчиками в американское архивохранилище на основании договоров, исполнение которых не контролировалось представителями самой эмиграции. В результате закономерным становился переход сданных документов в собственность архива в случае, если они не будут востребованы лицами их передавшими, а также не будут возмещены расходы по их перевозке и хранению. Наибольшее беспокойство автора статьи вызывал тот факт, что членам правления Гуверовского архива было разрешено изучать документы, не запечатанные бывшими владельцами. Беспокойство было вызвано намерением члена правления архива Гольдера заключить с советской стороной в лице Покровского соглашения об использовании имеющихся у них документов для написания истории русской революции и Гражданской войны. Это могло бы привести к утечке конфиденциальной информации из документов эмиграции. Астров поставил перед эмигрантами моральный вопрос о сохранении документального наследия: для России «документы составляют неотъемлемую собственность подлинной России и должны быть в свое время возвращены в Россию»⁷.

Генерал Головин в ответ на статью Астрова разместил в «Новом времени» от 25.04.1929 г. свою статью, в которой обосновал пере-

⁵ ГАРФ Ф. 5913. Оп. 1. Д. 537. Л. 28.

⁶ Там же. Д. 535. Л. 2–3.

⁷ Там же. Д. 46. Л. 1–3.

дачу архива Врангеля его личным распоряжением 1923 г., согласно которому в течение 50-летнего срока «русское белое правительство, признанное наследником генерала барона Врангеля, имеет право получить этот архив обратно»⁸.

Головин высказал мнение, что основной целью эмиграции является сохранение документов и Гуверовская библиотека предоставляет максимум гарантий в этом плане⁹, имея в виду, что Чехословакия находится в непосредственной географической близости от СССР.

В результате активной деятельности генерала Головина в архиве Стенфордского университета была собрана большая коллекция документов по истории русской эмиграции в межвоенный период, Гражданской и Первой мировым войнам. Коллекции РЗИА и Гувера близки по составу и содержанию, о чем говорит тот факт, что 16 личных фондов в составе РЗИА имеют продолжение в Гуверовском собрании. 36 фондов из состава РЗИА, хранящихся в ГАРФ, содержат аналогичные с Гувером документы, относящиеся к деятельности российских политических партий, эмигрантских организаций, общественных деятелей русского зарубежья и военных [Павлова 2001].

Благодаря Н.Н. Головину Гуверовский институт приобрел документы 152 дипломатических и военных организаций царской России, в том числе Российского посольства в Париже, коллекции документов 17 крупнейших представителей российской эмиграции, включая архив М.Н. Гирса – главного представителя генерала Врангеля при союзном командовании, позже возглавлявшего Совещание послов в Париже, Б.В. Геруа – главы дипломатической миссии при союзном командовании, генерала Е.К. Миллера – председателя РОВС, генералов В.И. Гурко, Д.Г. Щербачева – командующих 11-й и 17-й армиями, личный фонд самого генерала Головина, включающего труды по истории войн и переданного его сыном [Даниелсон 2001, С. 205].

Основанный Гербертом Гувером архив, на базе которого вырос институт, стал самостоятельным исследовательским центром (Hoover Institution on War, Revolution and Peace) – одним из крупнейших хранилищ документов по истории России периода Первой мировой войны и революции за рубежом. Гуверовский институт войны, революции и мира в настоящее время имеет значительные коллекции зарубежной архивной россики – в нем хранится примерно 50 млн документов, около 25% коллекций документы на славянских языках. Среди хранящихся в архиве документов наибольшую

⁸ Там же. Д. 435. Л. 6.

⁹ Там же. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 435. Л. 7.

ценность представляют документы аналитического характера о численности, составе, положении русской диаспоры в разных странах, а также документы, характеризующие наиболее значимых представителей эмиграции. В состав архива входит коллекция Бориса Николаевского – одна из самых цельных документальных коллекций, в 1963 г. приобретенная институтом. В Гуверовском архиве хранятся документы крупнейших представителей российской армии периода Первой мировой и Гражданской войн. Среди наиболее видных представителей русской военной эмиграции, чьи документы оказались в Гуверовском архиве, следует назвать: генерала М.И. Алексеева – начальника Генштаба в 1915–1917 гг. и командующего Добровольческой армией Юга России в 1918 г.; генерала Базаревича – российского военного атташе в Белграде; генерала Базарова, в чьем фонде находятся рапорты, приказы, полевые карты и переписка, посвященные русско-японской войне; генерала Ф.Ф. Палицына – начальника штаба царской армии в 1905–1908 гг.; генерал-майора царской армии С.Н. Потоцкого – военного атташе в Дании. Фонды генералов царской армии: генерал-лейтенанта царской армии, Верховного главнокомандующего войск Директории В.Г. Болдырева, генерал-майора И.Ф. Быкадорова, героя Первой мировой войны генерал-майора Свиты А.А. Дренгельна, генерал-лейтенанта, управляющего военным министерством правительства А.В. Колчака А.П. Будберга, генерал-майора Генштаба А.А. фон Лампе, генерала от инфантерии, участника Китайского похода 1900–1901 гг., Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн В.Е. Флуга, генерала от инфантерии, участника Первой мировой войны Д.Г. Щербачева, генерала Русской императорской армии, возглавлявшего штаб Юго-Западного фронта, – Н.Л. Юнакова, генерал-майора И.С. Смолина, генерал-лейтенанта, героя Первой мировой войны В.К. Витковского, генерал-майора Генерального штаба Б.П. Веселовзорова – содержат документы о Первой мировой войне и последующих событиях российской военной истории. Они дополняются документами, хранящимися в фондах генералов Белого движения: Д.П. Драценко, Е.Г. Булибаша, Е.Г. Сычева, В.О. Капшеля (о «Ледяном походе»). В объемном фонде генерал-лейтенанта Белой армии П.А. Куссонского, служившего в штабах Деникина, Врангеля и Миллера в 1918–1925 гг., имеются: переписка, рапорты, телеграммы, приказы, прокламации, карты, отражающие деятельность штабов Добровольческой армии, Вооруженных сил Юга России; военные действия на Кавказе и в Крыму; эвакуацию армии Врангеля из Крыма; жизнь политической и военной эмиграции в Европе.

В Гуверовском институте находятся документы командующих белых армий периода Гражданской войны. Фонд Н.Н. Юденича

включает документы не только по Первой мировой, но и по Гражданской войне на Северо-Западе России и отношениям Белого движения с союзниками. Фонд А.В. Колчака содержит переписку с главами союзных держав. Фонд барона П.Н. Врангеля – главнокомандующего Добровольческой армией в 1920 г. – содержит многочисленные документы, относящиеся к Гражданской войне на Юге России, эвакуации Добровольческой армии из Крыма в 1920 г. и расселению российских беженцев в Стамбуле и других странах Европы. Фонды Л.Г. Корнилова, П.Н. Краснова, Е.К. Миллера, барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга, казачьего атамана Г.М. Семенова Фонд Махно Нестора Ивановича содержит мемуары «Печальные страницы русской революции» (1932 г.).

Гуверовский институт войны, революции и мира хранит не только документы высшего офицерского состава, но и довольно многочисленные фонды офицеров царской армии, служивших в разных родах войск и принимавших активное участие в боевых действиях в период Гражданской войны, – Ф. Елисеева, Г. Веселаго, Н. Звегинцова, Д. Федичкина, И. Гулыги, А. Кульбарса, Б. Крюкова, Е. Левицкого, А. Лукомского, Е. Никольского, И. Руднева, Н. Шинкаренко, Г.П. Чеботарева. Документы этих архивных фондов хранят воспоминания и мемуары о военных действиях Первой мировой, Гражданской войн и эмиграции, а также о службе в иностранных армиях, как, например, мемуары Владимира Александровича Зубца, служившего в китайской армии.

Среди прочих фондов, в которых находятся документы, освещающие события Первой мировой войны, в Гуверовском архиве есть и фонды рядовых бывшей царской и белых армий, которые также представляют несомненный интерес для исследователей, позволяя взглянуть на такое важное историческое событие, как война, глазами рядового. В архиве хранятся, например, мемуары Д. Швецова – рядового императорской конной гвардии; Е. Васильева – рядового российской армии (мемуары о пребывании в немецком плену во время Первой мировой войны); В. Вырыпаева – рядового Белой армии (мемуары «Владимир Оскарович Каппель») и др.

Помимо документов отдельных военнослужащих в Гуверовском институте отложились коллекции документов русских армий и воинских формирований периода Первой мировой войны, к которым относятся: штаб Верховного главнокомандующего (документы 1914–1917 гг.), Военное министерство (отчет 1916 г.), Кавказская армия, 10-й корпус (журнал боевых действий за 1914 г.), Лейб-гвардии кирасирский Его Величества полк (документы 1916–1974 гг.), Военный агент в Японии (документы, 1906–1921 гг.), Вооруженные силы Юга России; документация Первого армейского корпуса и Донского корпуса за 1916–1926 гг., документы Департамента

юстиции Белой армии, Добровольческой армии, Донской армии (1918–1920 гг.), Временного сибирского правительства.

В период Второй мировой войны треть архивов и архивных коллекций, созданных эмиграцией преимущественно на территории европейских стран, по различным причинам, в том числе и в ходе военных действий, была утрачена. На протяжении XX в. шло не только формирование архивов эмиграции, но и перемещение больших массивов документов, связанное с такими мировыми катаклизмами, как революция, войны, эмиграция. Так, в период Второй мировой войны документы вывозились из стран их происхождения в Германию, а позже – в советские запасники и архивы США. После Второй мировой войны в результате расширения социалистической политической системы эмигранты, жившие ранее в странах Восточной Европы и Китае, вынуждены были вторично эмигрировать, главным образом в США, где в период после Второй мировой войны стали складываться наиболее представительные по составу документов архивные хранилища. Прежде всего это Музей русской культуры в Сан-Франциско (первоначально Музей-архив русской культуры), который был основан в 1948 г. русскими эмигрантами из Китая, и Бахметьевский архив, созданный в 1951 г. по инициативе бывшего посла Временного правительства в Вашингтоне Б.А. Бахметева. Коллекции русских документов имеют также многие крупные американские университеты.

Архивы русской эмиграции, отражающие наиболее трагические периоды русской истории, стали уже частью единого архивного наследия, органично вошли в состав мирового информационного пространства. Созданные в результате войн и революций, архивы русской эмиграции теперь сами являются источником, по которому пишется история этих событий. Поэтому особенно важно для исследователей соблюдать научную объективность при работе с архивными документами, которые и сами по себе часто возникали в результате политической борьбы и порой отражают диаметрально противоположные мнения различных политических группировок.

Литература

- Даниелсон 2001 – Даниелсон Е. Архивы русской эмиграции в Гуверовском институте // Вестник архивиста. 2001. № 1 (61). С. 202–211.
- Павлова 2001 – Павлова Т.Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге и генерал Н.Н. Головин // Россия в США: Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 7. М.: Ин-т политического и военного анализа, 2001. С. 290–297.

Хорхордина 2006 – *Хорхордина Т.И.* Новое о РЗИА: События и люди // Вестник архивиста. 2006. № 2–3 (92–93). С. 339–358; № 4–5 (94–95). С. 212–236.

References

- Danielson, E. (2001), “Archives of the Russian emigration at the Hoover Institute”, *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, no. 1 (61), 2001, pp. 202–211.
- Khorkhordina, T.I. (2006), “New information about the Russian overseas historical archives: events and people”, *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, no. 2–3 (92–93), pp. 339–358; no. 4–5 (94–95), pp. 212–236.
- Pavlova, T.F. (2001), “Russian overseas historical archives in Prague and General N.N. Golovin”, *Rossika v SShA: Materialy k istorii russkoi politicheskoi emigratsii*, no 7, Institut politicheskogo i voennogo analiza, Moscow, Russia, pp. 290–297.

Информация об авторе

Ирина В. Сабенникова, доктор исторических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), Москва, Россия; 117393, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82; sabennikova@mail.ru

Information about the author

Irina V. Sabennikova, Dr. of Sci. (History), All-Russian Records Management and Archival Science Research Institute (VNIIDAD), Moscow, Russia; bld. 82, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117393, sabennikova@mail.ru